

С. М. МЕДЯНСКИЙ
Воронежский университет

ПОСТОЯННЫЕ ЭПИТЕТЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А. В. КОЛЬЦОВА

Рассматривая фольклоризм А. В. Кольцова, т. е. использование им народно-поэтических языковых элементов и соответствующую трансформацию и ассимиляцию их в его поэтическом наследии, мы исходим из того положения, что стиль Кольцова — это «стиль большого национального поэта, в своем творчестве ориентирующегося, прежде всего, на богатейшие родники народной поэзии».¹

Постоянные эпитеты относятся к традиционным поэтическим средствам устного народного творчества. Они входят в систему исторически сложившихся и постоянно функционирующих языковых элементов фольклора. Их употребительность и степень «постоянства» варьирует в зависимости от жанровой принадлежности и хронологической приуроченности произведений словесного искусства русского народа.

Постоянным эпитетам как одному из экспрессивных средств народной поэзии посвящена обширная литература.²

¹ В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей, М., 1961, стр. 157.

² П. Д. Ухов. «Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа» и И. А. Оссоветский, «Язык фольклора и диалект» в кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян, М., 1958; Е. Б. Артеменко. Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне, Воронеж, 1958 (автореферат канд. диссертации); А. П. Евгеньева, Очерки по языку русской устной поэзии, М.-Л., 1963, где приведена библиография вопроса.

Постоянные эпитеты (наряду с аппозицией существительных в атрибутивных сочетаниях, тавтологическими и синонимическими повторами, аффективными суффиксами) наиболее часто и многообразно используются в поэзии Кольцова.

Из сопоставления русских народных песен³ и поэзии Кольцова явствует, что в употреблении постоянных эпитетов песни поэта отличаются от народных как в качественном, так и в количественном отношении.

Кольцов преимущественно использует индивидуальные поэтические определения и украшающие эпитеты. Сравнительно редки эпитеты, постоянство которых относительно в языке устного народного творчества. Круг собственно постоянных эпитетов, выявленных путем сопоставительного анализа, превышает 100—целый арсенал поэтических формул. В их состав входят: красная девица, добрый, удалой молодец, крутой берег, буйный ветер, светлая горенка, широкий двор, сырая земля, лютая змея, добрый конь и др.

Представляется необходимым, учитывая структурную связанность, лексикализованную устойчивость, семантическую целостность, возможность переносного употребления постоянных эпитетов, произвести всестороннюю и детальную их классификацию, что может дать, очевидно, более полную картину образно-поэтической трансформации и особенностей стилистического функционирования этих традиционных формул в языке Кольцова.

Лексико-семантические разряды определяемых слов, образующих концептуальное ядро в структуре постоянных эпитетов, включают в свой состав следующие номинации:⁴ 1) деятелей, родства, частей человеческого организма (молодец добрый, муж старый, грудь белая); 2) свойственных человеку проявлений действий (удаль молодецкая, речь лебединая, поступь павлиная); 3) произведений человеческого труда (нож булатный, сабля острая, коса вострая); 4) строений, их частей, предметов обстановки (терем высо-

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I, М., 1911; вып. 2, ч. I, М., 1917, вып. 2, ч. 2, М., 1929; Кирша Данилов. Древние российские стихотворения. М.—Л, 1958.

⁴ Данное, как и последующее, подразделение проводится, исходя из функционирования постоянных эпитетов в поэзии Кольцова, а не из генезиса и бытования их в различных жанрах устной народной поэзии.

кий, окошко красное, стол дубовый); 5) одежды (кафтан бархатный, кушак шелковый)»; 6) из области природы (солнце красное, земля сырая, поле чистое); 7) животных (конь добрый, удалый); 8) стран, поселений, рек (Русь святая, Дон тихий, город славный); 8) отвлеченные понятия (горе горькое, лютое, свет белый, память вечная); 10) употребляемые только в переносном значении (сокол ясный, змея лютая).

Наиболее обширна лексическая группа номинативных единиц предметного порядка, связанных с человеком, с его физической и психической деятельностью (свыше 50 постоянных эпитетов). Значителен и круг слов предметного значения, охватывающих явления из области природы, территориальные и географические наименования (34). Крайне ограничен состав отвлеченных и переносно употребляемых слов (7).

Количественное соотношение существительных предметного и отвлеченного значения, переносно употребляемых, весьма показательно (более 90 и 7).

В устной народной поэзии отмеченные лексико-семантические разряды слов многочисленнее. Они разнообразнее с точки зрения возможности сочетаний определяемых слов с определениями (ср. перечень постоянных эпитетов, встречающихся в былинах и причитаниях, в цит. кн. А. П. Евгеньевой).

Семантическая характеристика определений-прилагательных в постоянных эпитетах может быть сведена к следующим квалификационным разграничениям: определения содержат указания на 1) цвет (белый день, грудь, лицо, рука, свет; зеленый сад, дуброва, трава); 2) размер (высокий терем, крыльцо, широкая Волга, двор; большая дорога); 3) материал (дубовый стол); 4) родственные отношения (родимая, родная матушка, бабушка); 5) возраст (молодая вдова, старый муж); 6) внешнюю форму (кудрявая береза, чистое поле); 7) указывающие на одно из возможных свойств, на один из существенных признаков предмета или на идеальный признак предметов (буйная голова, острая сабля, святая Русь, вечная память); указывающие на аффективность (лютое горе, змея, горючи слезы).

Отметим, что наибольшее число использованных Кольцовым эпитетов связано с оценочными и эмоциональными прилагательными (более 30), указывает на существенные

признаки предметов (около 30) и обозначает цвет (около 20).

Семантические поля включают в свою сферу значительное количество отвлеченных и предметных номинаций. Так «белый» — отвлеченное понятие «свет», переносное — «день», наименование тела — «грудь, лицо, рука» и т. д. Но подавляющая часть остальных прилагательных, преимущественно конкретного значения, сочетается с одним определяемым существительным предметного значения.

Грамматически определения в постоянных эпитетах могут быть в полной и краткой форме.

Краткие формы прилагательных в атрибутивной функции выступают как категория фольклорного стиля.

Состав кратких прилагательных в постоянных эпитетах поэтического языка Кольцова ограничен, значительно уже, чем в фольклоре (сине море, светлу горенку, добру молодцу...—всего 17).

Краткие атрибутивные прилагательные встречаются у Кольцова в следующих падежно-родовых формах: в им. и вин. п. ед. ч. всех трех родов, в род. и дат. п. муж. р. ед. ч., в им. и вин. п. мн. ч.

Парадигматическая ущербность этих форм очевидна. Их остаточные формы представляют грамматический архаизм, используемый как традиционное средство поэтической изобразительности. Отмеченные в кольцовском языке, помимо 17 входящих в состав постоянных эпитетов, краткие формы прилагательных представляют собой эпитеты народной поэзии, сочетающиеся с существительными «перемещенного» употребления, т. е. они обладают возможностью сочетаться не только с данным определяемым, но и с другим словом (лиха беда, зла беда).

Во всех случаях краткие прилагательные находятся в препозиции к определяемому слову.

В фольклоре же они могут занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение. И случаи постановки краткого прилагательного-определения после определяемого слова не единичны.

Только эпитет «тесовы» в «ворота тесовы», не имеющий аналога в фольклоре, где встречается «тесовая кровать», постпозитивен. Но эта форма прилагательного, как и «дубовы столы», «каменны палаты», являясь относительным прилагательным, выступает в т. н. усеченной форме, широ-

ко распространенной в поэтическом языке конца 18—начала 19 века.

Неактуальность атрибутивного употребления кратких прилагательных в пушкинскую эпоху, по-видимому, и определяет их препозицию. Грамматическая нормированность литературного языка того времени оказывает свое воздействие в этом отношении и на поэзию Кольцова.

Полные формы прилагательных в постоянных эпитетах употребляются, как и в фольклоре, препозитивно и постпозитивно. Постпозиция определения—полного прилагательного в поэзии Кольцова вызвана большей частью требованиями ритмо-мелодической организации структуры стиха, реже — семантико-стилистической акцентировкой определения в постоянном эпитете (Не видать в них Света *белова*; Не видать в них Солнца *краснова*, песня Дуют ветры); и в единичных случаях закрепленностью сочетания компонентов (Я затеплю свечу Воску *ярова...*, Кольцо).

Соответственно словорасположению в русском языке господствует препозиция определения по отношению к определяемому слову.

В противовес устной народной поэзии, где преобладают прилагательные относительные и качественно-относительные, часты собственно относительные прилагательные и довольно значительна группа качественных отглагольных прилагательных, в поэтическом языке Кольцова преимущественно употребляются постоянные эпитеты с качественными прилагательными в функции определения.

Незначительна группа качественно-относительных прилагательных (лебединая речь, шелковая трава, павлиная поступь и нек. др.).

Еще более ограничена группа относительных прилагательных (дубовый стол, булатный нож, шелковый кушак, бархатный кафтан, ключевая вода, столбовая дорога).

Совершенно отсутствуют отглагольные качественные прилагательные и притяжательные прилагательные.

Обособленную группу составляют лексикализованные постоянные эпитеты, в которых определение утратило свое конкретное качественное значение, или изменило свое значение в языке того времени, или вышло из употребления в данном значении.

Подобное определение образует с определяемым словом единство значения, неделимую смысловую целостность, пре-

вращаясь как бы в эквивалент слова или идиоматизм: добрый молодец, красная девица, белый свет, ясный сокол.

Грамматическая природа прилагательных в постоянных эпитетах, употребляемых Кольцовым, не дублирует механически устной народной поэзии. Из фольклора отбираются постоянные эпитеты и ассимилируются в языке художественной литературы согласно общей тенденции эпохи: пополнению класса прилагательных за счет качественных определений и притока народных выражений и эпитетов из области эмоциональных и живописных, красочных определений (В. В. Виноградов).

Степень семантико-синтаксической спаянности постоянных эпитетов (неразрывной связанности, устойчивости сочетания определения с определяемым) в поэзии Кольцова ослаблена сравнительно с устной русской поэзией, что обуславливается рядом обстоятельств:

1) Разнообразием семантико-синтаксической роли постоянных эпитетов в связи с многоплановостью их стилистического функционирования. Образно-переносная трансформация постоянных эпитетов находит свое выражение в том, что, руководствуясь идейно-художественными и эстетическими целями, поэт стремится расширить и стилистически маркировать постоянные эпитеты предметного значения, переводя их в план переносного употребления, образной метафоризации (Что, дремучий лес, Призадумался—Грустью темною Затуманился?.. Так-то, темный лес, Богатырь-Бова... Что взгляну, то вздохну, Затоскуюся, И зальются глаза Горьким горем слез; И лютое горе Ее залило, Ту дивную землю, Бесславную землю).

2) Конкретностью смыслового содержания компонентов постоянных эпитетов. Поэтические формулы, которые обозначают типичные признаки в их многообразии или существенные признаки, конкретизируются, причем единство их сохраняется при реальной значимости отдельных компонентов (В том лесу соловей Громко песни поет; Молодая вдова В хуторочке живет; Ну, тащися, сивка, пашней, десятиной, Выбелит железо О сырую землю; Нет, нет! Не для того на небе Солнце ходит, Чтоб белый день покрывся Тьмой).

3) Наличием ряда возможных сочетаний определения с определяемым словом и определяемых слов с различными определениями (день красный, великий, бел-ясен, белый, ясный, божий; грудь белая, высокая, земная, широкая, мо-

лодая; зеленый дуб, дуброва, лес, поле, сад, трава, степь; темный лес, горенка, кудри, глаза, ночь, полуночь, туча и т. д.).

4) Возможностью обособленного употребления непосредственно составляющих постоянный эпитет (Не стерпел *удалой*, Загорелась душа; Я поеду к отцу, Поклонюся *родной*—И согласно возьму Обвенчаться с тобой; Болит моя головушка, Щемит в груди *ретивое*; И долго так лежал, молчал; Смочил платок *Горючими*...)

Употребление определяемого как компонента постоянных эпитетов обособленно, автономно, в отрыве от определения наблюдается не только в фольклоре, но и в поэзии Кольцова (молодец, девица, батюшка, матушка, лес, поле и др.).

5) Фактом синонимичности эпитетов (Ах, ты горе, горе, *Горе горькое*; Знать, на *горе горемышное* Так жились мы, так слобился; Стану в тех местах *Вольной волей* жить; Что ж мне делать *С буйной волей*; Лицо белое—*Заря алая*; Пылкой юности *Заря красная*; Из лесов дремучих, северных Поднялась не тучка темная, А рать *сильная-могучая*, Царя грознова, московсова).

6) Указанием на типичный признак как на частный, индивидуальный в субъективном восприятии автора (Что, *дремучий лес*, призадумался...; Это—страх, гроза врагам; Это—*посвист богатырский* — Вот что русское «ура»!; На погибель мою, староста За сынка вперед посватался; И его казна *несметная* Повернула все по-своему).

7) Ограниченностью тавтологических и синонимических постоянных эпитетов, широко представленных в устной народной поэзии. У Кольцова отмечены: вольная воля, горькое горе, белый свет. Отсутствуют такие распространенные в фольклоре тавтологические формы постоянных эпитетов: светлая светлица, темная темница, громы гремучие, красная красота.

Постоянные эпитеты почти отсутствуют в лирических стихотворениях раннего Кольцова, в его думах. Они сосредоточены исключительно в песнях, являясь, таким образом, жанрово обусловленными, как и другие народно-поэтические элементы, в своих языковых функциях.

Синтаксико-стилистические функции постоянных эпитетов, определяемые характером их семантической основы и взаимодействующие с ними, разнородны: можно отметить, что они служат средством типизации, воссоздания народной

образности, указывая на определенную стилистическую заданность, способствуют передаче в сочетании с другими элементами индивидуальных оттенков признаков, детализации, усилению акцентировки, развитию аффективности, характерологической качественности и т. д.

Учитывая отмеченные особенности функционирования постоянных эпитетов,—в противоположность устному народному творчеству, где, по мнению исследователей, «постоянство» того или иного эпитета — одна из частных сторон проявления традиции, а отнюдь не специфических семантико-стилистических особенностей эпитета»,⁶—в песнях Кольцова они используются в силу своих специфических особенностей именно как своеобразный стилистический прием.

⁶ А. П. Евгеньева, указ. соч., стр. 338.